

Портрет Ахматовой. 1968

Анатолий Зверев. Толрик. Самая мощная фигура советского андеграунда. Причем именно андеграунда, а не авангарда. Зверев, скорее, был «подземным» человеком, чем «впереди идущим». Правда, в чем он действительно был впереди планеты всей, так это в выпивке. Его, пожалуй, никто и никогда не видел трезвым. Его никто и никогда не называл «Анатолий Тимофеевич». Он родился 3 ноября 1931 года. Он умер 19 декабря 1986 года. Вот и все, что можно сказать о Звереве однозначно. Ах да, еще: он был безусловный гений. Более того — гений априори. То есть до опыта. То есть от рождения. То есть ремесленное училище, училище имени 1905 года были ему совершенно не нужны. И пусть несогласные бросят в меня камни. Хоть целый монумент. Первое, чем он стал заниматься, — живопись. Она же последнее, чем он занимался в этой жизни. Собственно, и единственное. Потому что все остальное было бесплатным приложением. Точнее — приложением платным. Он платил за себя на каждом шагу, даром что уважал вещь, которую современная тусовка называет халевой. Он платил своей жизнью. Своим гением. И, кажется, остался банкротом. Его поздние работы — это один большой сгусток чувства. Боли и усталости. Но чего-то в них точно не хватает. Чего-то, что называется искусством. И пусть желающие снова бросают в меня камни — в том числе и главный зверевед России А. Л. Сосна, директор Центра современного искусства имени Анатолия Зверева. Конечно, прижизненные музеи художников у нас есть. Большие, индивидуальные. Мир им. А вот если именем твоим, как крестным знамением, освещают большой и гостеприимный Дом — это что-то да значит.

Дарья АКИМОВА

И томлюсь душой своей...

Собственный дом Зверева был ужасен. Причем совершенно не важно, которым этот дом был по счету. Это касалось и «логова» в Свиблове, которое сам Зверев называл «Гиблово» за постоянно повторяющиеся милицейские «налеты». И Мещанки, где в полуподвале у художественной натуры Владимира Воробьева собирались люди в общем-то бывальные. Наших художников, как известно, загаженной плитой и тараканами на стенах не удивишь — все мы вышли из народа...

Но в квартире у Зверева самые матерые волки коммуналок затравленно озирались и искали в сумках-хренасках свежий номер газеты «Правда». Не затем, чтобы ознакомиться с новостями партии, а дабы подстелить под себя тоненький спальный слой бумаги, который отделил бы относительно чистые брюки от заплывающих табуреток. Вообще-то вместо слова «заплывающие» должно было бы быть другое — более точное. Но непечатное.

Конечно, Анатолий Зверев не всегда был бомжем и пьяным. И даже не всегда им оставался. Он мог преобразиться, и тогда легко можно было забыть, что за «непристойность фасада» (ее сам Зверев объяснял хроническим безденежьем) его выгнали из училища. Правда, была Оксана Асеева, вдова именитого поэта, когда-то первая красавица Москвы и роковая женщина, которая заменила ему мать и долгие годы помогала Звереву держаться «на плаву». Он писал ей стихи:

Упавший лист
(златою непогодою)...
я негодую и томлюсь
душой своей...
«Что вам угодно?» —
лист спросил
дубовый, и я ответил:
«Думаю... о ней».

Детство у него было мрачноватое. Теперь это называется «наследственным алкоголизмом». Родители,

Тимофей Иванович и Пелагея Никифорова, жили в Сокольниках, детей было много. «Как тараканов», — сказал как-то Толрик. Братьев и сестер Зверев не помнил, особенно в именах умерших путался.

Да и «время было такое» — ничего более исчерпывающего, чем эта пошлая фраза, до сих пор никто не придумал. Посему и никаких особых выскоких порывов у мальчика Толи не было — жил себе и жил. Ну и слава Богу, которого не было. То есть где-то глубоко-глубоко в нем самом Он жил, только с каждым годом Он погружался все глубже и глубже, отступал на обочины сознания со скоростью, прямо пропорциональной зверевскому погружению в никуда.

Оксана Асеева заменила ему мать. 1976

Досье «ВМ»:

Анатолий Тимофеевич Зверев (1931—1986). Признанный лидер советского авангарда. Художник. График. Особенную известность в России и за рубежом получили его портреты. Писал стихи. Жил и работал в Москве. Во время Отечественной войны с семьей был эвакуирован в Тамбовскую область. Образование получил в Художественном ремесленном училище. Из Художественного училища имени 1905 года был отчислен за «непристойный внешний вид». Работал художником в парке «Сокольники».

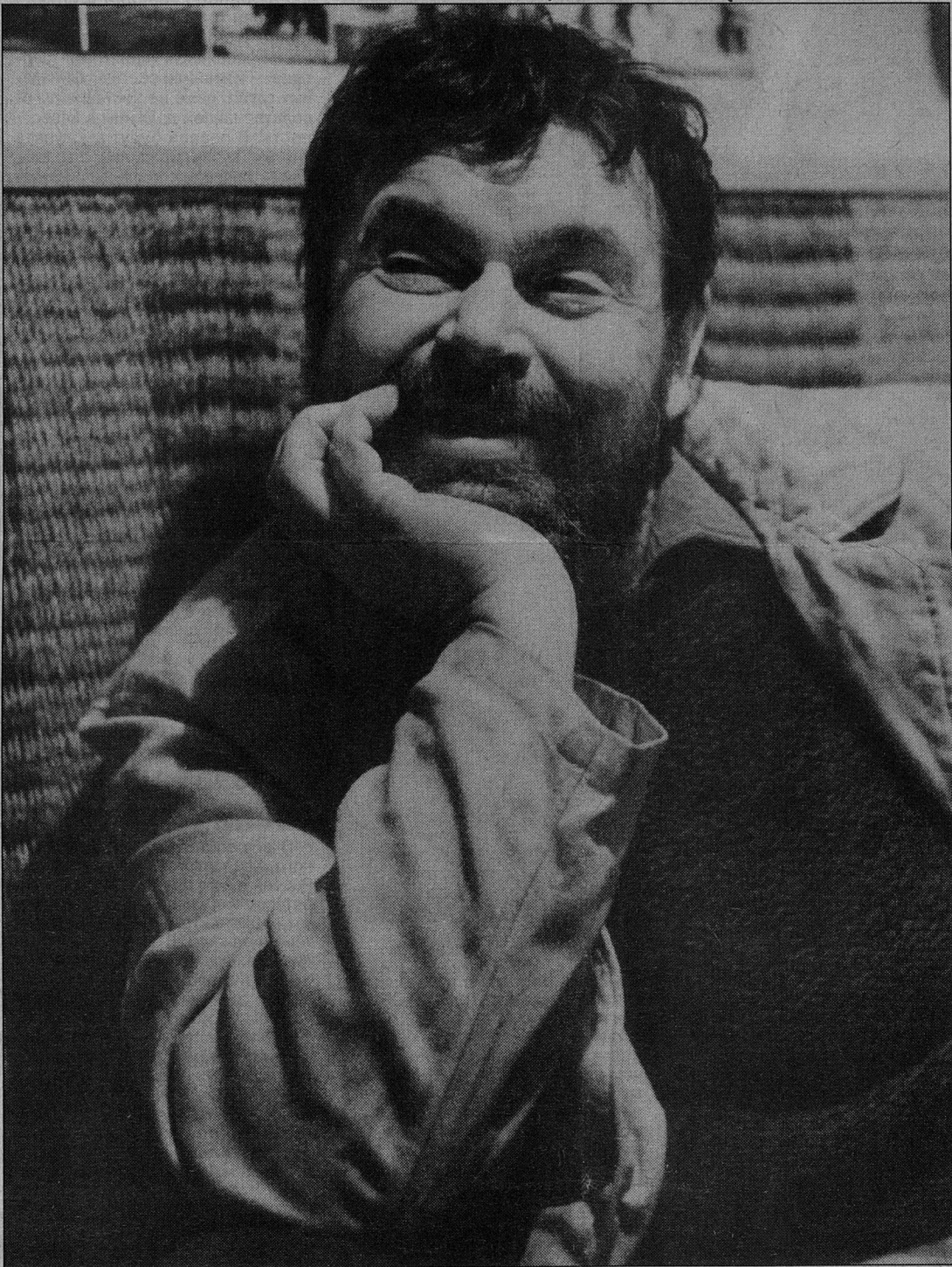
Пил. Бомжевал. В 1957-м работал в Международной мастерской пластических искусств на шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов (золотая медаль). В 1967—1988 годах участвовал в выставочных проектах в галереях и музеях Нью-Йорка, Луго, Копенгагена, Вены, Берлина, Парижа, Лондона, Токио, Вашингтона, Брюсселя... В 1975 году принял участие в выставке живописи московских художников на ВДНХ. Участник нашумевшей выставки авангарда в Измайлово в 1974 году. Первая «персоналка» Зверева в России состоялась в 1989 году в Фонде культуры.

Неизвестная биография

А. З. есмь

Он рисовал за ночлег или выпивку, а другом считал Леонардо да Винчи

Веч. Москва. — 1999. — 7 июля. — с. 5

Тот самый драный свитер. Тот самый фирменный прищур

Правда, чем меньше у Зверева оставалось желаний, кроме «выпить», тем больше проявлялся «зуд художника».

Толя уже лет эдак в семь любил пачкать красками бумагу, но эта слабость у всех детей есть. Только потом стало понятно, что его детские рисунки будут лучше, чем «графика» его дяди, который развлекал племянника рисованием лошади.

Шедевр за койко-место

Увы, множество рисунков Зверева «разлетелось» по неизвестным адресам и кануло в Лету. Писал

Зверев неистово. По десять и по двадцать полноценных работ в день, которые никто не посмеет назвать «набросками» — и в «лучшие», и в «худшие» свои времена.

Уже после его смерти легкие зверевские зарисовки и вполне законченные работы обнаруживались у самых затрапезных московских пьянчуг — он часто рисовал за ночлег или просто за выпивку. Но непременно ставил на работах подпись: «А. З.» — Анатолий Зверев.

Под конец жизни, правда, «автографом» на работах стал «спекулировать». «Ну что, — обычно говорил он очередному приятелю, возжелавшему иметь портрет себя, любимого, руки Зверева. — Ежели просто так — то задарма. Ежели с подписью хочешь, то гони рубль».

«Рубль» — в этом слове была ирония. Самый подделываемый художник двадцатого века, один из «дорогих» художников двадцатого века. «Рубль» — это был его прижизненный потолок, и он сам это хорошо понимал.

Естественно, ходили упорные слухи о дурном характере Толика и его умении «посылать» тех, кого невзлюбил. Конечно, рисовал он всех и вся, причем почти бесплатно. Чего-чего, а по головам ходить он умел. Впрочем, иногда делал это без причин, просто потому, что «настрой такой».

Однажды, попав на творческий вечер некоей вполне достойной литераторши и просидев в кресле минут пять, Зверев разразился отборным матом и, растолкав публику, ринулся к выходу. Он даже тех, кого очень любил (пожалуй, ИМЕННО

тех, кого любил), мучил с видимым удовольствием. Поэт Наталья Шмелькова, человек, которого Зверев уважал безусловно, в своей книге об Анатолии вспоминала, как тот выплескивал в раковину одну за другой тарелки супа, которые она приготовила. Почему? Просто чтобы посмотреть на ее реакцию.

Но зато и заражать положительной энергией он тоже умел. При всей своей расхлябанности был безусловным образованным человеком. Сегодня он бы стал лакомым «угощением», как говаривал Толстой об Анне Павловне Шерер, любого художественного салона. Он любил «замахиваться на великое», но и учиться тоже мог и любил — неспроста себе в «друзья и учителя» он выбрал Леонардо да Винчи. Зверев мог заткнуть за пояс любого (и не только марксиста) доктора философских наук. Говорить с

«Ну что, — обычно говорил он очередному приятелю, возжелавшему иметь портрет себя, любимого, руки Зверева. — Ежели просто так — то задарма. Ежели с подписью хочешь, то гони рубль».

ним можно было до бесконечности — конечно, если его «цепляла» тема. Мог написать портрет — чтобы утешить человека, которого только что ни за что ни про что «пустил».

Естественно, при таком раскладе ни один «приличный» интеллигентский дом в Москве восьмидесятых годов не обходился без зверевской работы. Или даже десятка.

Сливки общества глядели и мучительно (главное — тайно) завидовали интеллигентам.

Натюрморт со сливками

Кончились страдания «сливок» разом и навсегда. В 1983 году, то есть в тот момент, когда Зверев уже «дошел до кондиции».

К Звереву привезли юную рафинированную даму высокого по советским стандартам происхождения,

чтобы А. З. запечатлел небесные черты девушки на холсте. Договоренность с «творцом», естественно, была. За неделю до того к Звереву с бутылкой подкатился человек и «прощупал почву насчет заказа».

«А чего, привози. Вместе с водкой», — отвечал на «запрос» гений.

Привезли. Испуганное существо в газовом платице впрорхнуло в берлогу художника. Сам художник лежал лицом вниз на некоем подобии кровати в драном свитере и задубевших от грязи брюках. «Вы меня нарисуете?» — храбрясь, спросила дева, близкая к оборотному состоянию.

Зверев поднял голову, обозрел худенькое тело в декольте и сказал:

— Чего ж не нарисовать? Раздевайся, ложись. А потом нарисую.

Больше с предложениями написать портреты жен, дочерей и племянниц высокопоставленные личности к Звереву не приставали. Была и другая аристократия: знаменитый коллекционер Георгий Костаки фактически содержал Зверева. В квартире на Юго-Западной А. З. расслаблялся как мог и работал. Его портреты дочерей Костаки — пожалуй, самое светлое, что написал Зверев.

Иностранцев зверевская манера общаться не отпугивала. Они приходили в восторг, причем тем более сильный, чем в большем опьянении «Толрик» пребывал. Ну а как же — русские ведь все так пьют?

Дитя природы

Как-то раз собралась за городом в Вострякове большая компания. Художники, поэты... ну и примкнувшие к ним. Дело было весной, припекало солнышко, и разомлевшая богема возжелала внести свой вклад в украшение зеленой нашей планеты и взрастить какой-нибудь полезный овощ — непременно овощ, фрукты не взойдут!

А поскольку у «огородников» не было в загашнике ничего, кроме куцей закуски, то среди нее и стали искать «посадочный материал». Нашли проросшую картошку. Вскопали целое поле.

И тут Зверев устроил небольшой скандал. «У картошки что дает всходы? — кипятился он, хитро прищуриваясь. — У картошки прорастают глазки! Так зачем лишать себя пищи? Давайте глазки выковыривать и закапывать, а остальное съедем!»

Собутыльники сначала воспротивились. Но Зверев со всей своей звероподобной энергией вскорости компанию убедил. Взрослые — правда, пьяные — мужики ползали по грязи и втыкали в нее картофельные «семечки». Зверев, по всей видимости, ликовал: фокус удался. Естественно, никаких картофельных зарослей художникам взрастить не удалось.

Впрочем, дурачился Зверев далеко не всегда. Иногда на него «накатывало» — и он долго-долго не отходил от того, что на данный момент служило ему мольбертом.

Рисовать Зверев мог когда угодно, чем угодно и где угодно. Допустим, в детстве — на спичечных коробках.

Во времена заматерелости проблем с бумагой и красками уже не возникало. «Краской» по-прежнему служило все, что угодно. Его фирменный знак был лихой жест, с которым он отрывал «головы» новеньким тюбикам и почти пальцами, двумя-тремя мазками, создавал на листе движение, пространство, жизнь.

Он очень любил тона насыщенные и мрачные — пусть этот факт растолковывают психоаналитики. Сам он считал их естественными. Близкими к «натуральным продуктам».

Под последними он понимал все. Например, собственные сопли, которые вмазывал в холст, если ему не хватало охры, а насморк наличествовал.

Кстати, именно из-за «сопливых» полотен и родилась половина легенд, связанных с работами Зверева, и добрых восьмидесяти процентов ругательств, которые сыпались на Анатолия от номинальных коллег. «Номинальных», поскольку художником, как ни крути, оказал-

ся именно он, традиционно презираемый «классиками» за свои «плевы на холст».

Говорили, что некоторые работы он вообще писал придорожной пылью в бессознательном состоянии. Спорить с этим теперь уже не обязательно, но интересно все-таки, его тонкая серия «Зоопарк» тоже писалась в бреду?

Впрочем, «Зоопарк» — это раннее. То есть безусловно лучшее. Хотя как тут оценить — хуже, лучше... Вот поздние работы — они прозрачны во многом утеряли. Правда, в его новых «сталактитах» краски на холстах, сквозь которые проступала суть очередного портрета, тоже несли в себе мудрость — усталую и даже злую.

Не просто «такой манеры письма раньше не было». Да было уже все. Много раз. Но вот зверевской точности восприятия мира и образа действительности у кого не было. Ни до, ни после него.